

Лингвистические модификаторы как имплицитные компоненты текста¹

Лингвистические модификаторы (в англ. литературе – *hedges*, в нем. – *Hecken*) определяются как слова, способные изменять аспекты значений других слов, на которые они направлены.

Возникновение феномена *hedge/hedging* мы подробно рассматривали в ряде статей, посвященных явлению непрямой коммуникации [Марюхин, 2008; 2010]. Цель настоящей статьи – показать, какую роль играют лингвистические модификаторы в разных текстовых жанрах (научно-популярном и художественном).

В свете современной лингвистики модификаторы можно дифференцировать по нескольким признакам:

- 1) подчеркивающие имплицитность, способствующие некатегоричности суждения – *почти, чуть, более, менее, очень; about, around, approximately, almost, few, often; ungefähr, in etwa, circa, einige, knapp, um etwa* и т.д.;
- 2) подчеркивающие эксплицитность, способствующие категоричности суждения – *абсолютно, полностью, совершенно, точно, совсем, вовсе не;*
- 3) занимающие промежуточный характер – *более или менее;*
- 4) выражающие (не)завершенность информации – *и тому подобное, и так далее, и так потом, прочее, то есть, таким образом;*
- 5) выступающие как часть слова и способствующие его семантической нагрузке – *gelblich.*

Кроме того, модификаторы можно классифицировать согласно нарастанию (убыванию) степени признака:

1. Индикаторы нарастания степени признака: *более, даже, наибольший, не, а, еще, more, even, indeed, far beyond, just.*
2. Индикаторы убывания степени признака: *менее, не больше, наименее, less.*
3. Индикаторы, которые могут показывать как нарастание, так и убывание степени признака: *почти, не просто, а ...; almost, nearly.*

Лингвистические модификаторы в научно-популярном тексте служат индикатором некатегоричности суждения. Этому способствуют несколько положений, характеризующих научное познание.

Для современной науки, когда измерения и расчеты могут носить лишь асимптотический характер, очень важно найти такие способы представления получаемых данных, которые бы соответствовали своей объективности. Например, когда температура вещества достигает критического уровня и составляет -270°C , ученый должен не просто констатировать факт измерения («Это (самый) низкий показатель»), а обязательно учитывать как достоверность получаемых результатов, так и соответствие последним достижениям науки («Это самый низкий показатель температуры на сегодняшний день (при данных условиях)»).

Авторы научных текстов в некоторых случаях общие «нейтральные» утверждения

¹ Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. – Москва, 2011. – С.47-52.

(например, «*Планеты-карлики малы объемом*») часто заменяют высказываниями с меньшей степенью категоричности («*Почти все планеты-карлики малы объемом*») или, наоборот, с большей степенью категоричности («*Все планеты-карлики очень малого объема*»).

Имплицитные высказывания в научном тексте могут эксплицироваться. Например, такое высказывание, как «*Этот объект способен развивать достаточно высокую скорость*» можно уточнить с помощью числовых данных «*Этот объект способен развивать достаточно высокую скорость, равную 700 км\ч*» или же указанием на следствие, результат – «*Этот объект способен развивать достаточно высокую скорость, чтобы преодолеть силу земного притяжения*».

В научном тексте употребление модификаторов играет основополагающую роль, определяющую степень достоверности. Для ученых важно, например, различать такие утверждения, как «*A penguin is a sort of a bird*» и «*A raven is a sort of a bird*». Прототип подвергается оптимизации по тем или иным параметрам относительно определенной функции, а потому из прототипизации вытекает определенная параметризация – скалярное упорядочение выборов, отражающее пределы варьирования.

Наконец, проблема фазифицированных суждений, когда можно говорить не только о случаях уточнения номинации (*It's kind of a method*; *Это – вроде фрукт*), но и об обозначении нечеткого, размытого, недискретного количества (*She is about 20 years old*; *Подождите около 20 минут*).

Очень часто в научном тексте присутствуют конструкции с вставлением, конструкции, которые не дают нового пучка признаков. Конструкция с вставлением должна быть формальным аналогом интуитивного понятия переходности. Одним из эффектов ограничения является сужение класса референтов данного знака, например превращение общего понятия *spaceship* «космический корабль» в *some ships* «некоторые космические корабли». Эксплицитное отрицание какого бы то ни было сужения класса возможных референтов (*all ships* «все космические корабли») может рассматриваться как предельный случай ограничения. Заметим, что средства ограничения некоторого класса весьма разнообразны: они могут включать квантификацию – как числовую (*five ships*), так и нечисловую (*some ships*), а также дейксис, выраженный указанием либо на объект внимания (*these ships* «эти космические корабли» = те космические корабли, которые находятся в центре внимания собеседников), либо на предмет речи (*the ships* = те космические корабли, которые упоминались ранее в этой речи).

Иногда лексические модификаторы можно назвать аппроксиматорами. Под ними понимаются языковые единицы (морфема, слово, словосочетание, предикативная конструкция), имеющие сему «приблизительность», представленную в семантической структуре» [4, 65].

Лексическое значение аппроксиматора актуализируется, как правило, в сочетании со знаменательным словом. При этом выделяются лексические единицы, имеющие значение приблизительности как основное, реализующееся вне зависимости от контекста (*about, approximately, nearly, sort of, kind of*). Однако имеются лексические единицы, в которых значение приблизительности реализуется только в строго определенных контекстах (*rather, quite*).

С точки зрения физики понятие аппроксимации следует уточнять иначе. Так, например, когда говорят о каком-либо достаточно большом, ровно как и малом,

измерении, например, *эта частица имеет размер около 0,00000001 нм*, то имеют в виду размер не самой частицы, а области измерения, так как частицы настолько малы, что их невозможно измерить. Поэтому лексические модификаторы в подобных примерах следует относить *не к объекту измерения, а к области измерения*. Эта область измерения подразумевается, но не репрезентируется в тексте. Таким образом, указание на объект измерения, даже без использования лексических модификаторов носит гипотетический характер.

Сейчас квантовая механика переходит от неопределенных динамических переменных к величинам с *определенными* значениями. Мы заменяем события, например, пребывания частицы в той или иной точке вероятностями событий, вероятностями пребывания. Однако сама вероятность – значение вероятности пребывания частицы в той или иной точке – достоверна, она определяется достоверным и однозначным образом. Второй путь соответствует соотношению неопределенностей сопряженных динамических переменных. Мы можем получить достоверную, сколь угодно точную констатацию самого события (например, пребывания частицы в некоторой точке) с помощью эксперимента, соответственно уменьшая точность измерения сопряженной переменной (например, скорости частицы).

Но эксперимент может выйти за пределы тривиальной неопределенности. В упомянутом выше эксперименте, иллюстрирующем неопределенность сопряженных переменных – координат и скорости частицы, – речь шла об одной частице, проходящей сквозь диафрагму. Устранение неопределенности, свойственное классической термодинамике (и классической экономической статистике) – игнорирование индивидуальных процессов, переход к макроскопическим множествам, – здесь отсутствует. Переход от информационной энтропии к достоверности происходит здесь иначе, с помощью классического объекта – диафрагмы (при определении координат – неподвижной диафрагмы со сколь угодно малым отверстием), и сколь угодно близкая к достоверности информация относится к поведению отдельного индивида [Кузнецов 2004].

В квантовой механике можно перейти от неопределенных значений к определенным, переосмысливая закон, управляющий движением частицы, заменяя недостоверную констатацию события достоверной констатацией вероятности. При большом числе таких проверок их усредненный результат совпадает с вероятностью каждого индивидуального результата и, таким образом, при усреднении по большому числу наблюдений экспериментальная регистрация событий подтверждает вероятность этих событий. Но описанная здесь неопределенность, компонент фундаментального экономического индекса, аналогична другому аспекту квантовой механики – гейзенберговскому соотношению неопределенностей.

Нередко авторы научных текстов смягчают (mitigate) свои высказывания. Митигация используется, чтобы ослабить ожидаемый неприятный эффект. Возможность планирования речевого контакта и варьирования языковых средств в коммуникации, с одной стороны, налагает на адресанта определенные ограничения, обусловленные этическими, социальными и пр. нормами коммуникативного взаимодействия, а с другой, позволяет ему проявить свои когнитивно-коммуникативные потенциалы, реализуя лингвокреативную составляющую языковых личностей. Используя метод дискурсивного анализа, позволяющий установить

взаимосвязь речевого выбора субъекта речи с различными параметрами ко(н)ситуации, включая личности коммуникантов, рассмотрим коммуникативное поведение языковых личностей в митигативно маркированной коммуникации.

Понятие «митигации» тесно связано с акцентированием и ослаблением значения. Ослабление (*attenuation*) выражается в том, что значение высказывания становится «подавленным», косвенным и неявным (например, *I suppose in a sense it is...*). Акцентирование (*accentuation*) предполагает то, что значение высказывания становится «укрепленным», подчеркнутым, преувеличенным, явным (например, *I am absolutely convinced that the schools are wrong*).

Строго говоря, отношение между ослаблением (*attenuation*) и усилением (*акцентирование, accentuation*) не является дихотомией в прямом значении слова. Нечеткость, которая характерна для разговорного языка вообще, вытекает из иллюкутивной силы. Поэтому иногда случается, что один и тот же прагматический маркер может удовлетворять или цели ослабления (*attenuation*), или усиления (*accentuation*), в зависимости от контекста. Так, в одних случаях, дискурсивный маркер *think* играет роль ослабления, передавая колебание и неуверенность (например, *Particularly I think you probably like the sort of clothes I like anyway*). В других контекстах, однако, становится просодическим, отмеченным акцентом, способствуя укреплению личного суждения говорящего (например, *I say I think they made up their minds before they started*) [Urbanova 2000, 58].

Различие между ослаблением и усилением должно, скорее всего, интерпретироваться в терминах градиента признаков. Выполнимость градации иллюкутивной силы дает начало очень тонким значащим различиям, отражающим степени отношения говорящего к содержанию сообщения.

В художественном тексте модификаторы часто являются стилистическим приемом, с помощью которого автор имплицитно речью персонажей. Модификаторы в художественном тексте, в отличие от научного, не являются текстовым индикатором неопределенности. Ср.:

1. Модификаторы, способствующие некатегоричности суждения

Н. В. Гоголь «Ревизор»

Хлестаков: Мне *кажется*, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Земляника: Очень может быть.

В одном высказывании Хлестакова может содержаться от двух до четырех видов средств «отгораживания». Это и мнение-полагание (мне *кажется*), и гипотетическое *как будто бы*, и эмпирический субъективизм (*немножко ниже*). Последнее представляет собой как раз слияние лингвистического модификатора *немножко* и лингвистической переменной *ниже*. Модификатор *очень* в ответе Земляники усиливает эпистемическую модальность.

Фонвизин Д. В. «Недоросль»

Скотинин: Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан: А я, дядюшка, *почти* и *вовсе не* ужинал.

В ответе Митрофана, с одной стороны, содержится модификатор *почти не*, уменьшающий процент вероятной действительности, с другой - модификатор *вовсе не*, полностью исключающий вероятность совершенного действия. Однако эти два

противоположных по эффекту воздействия модификатора не взаимоисключают друг друга, а усиливают.

Простаков: Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан: Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Модификатор *что-то* фазифицирует суждение, служит неопределенности высказывания. С другой стороны, этот модификатор можно трактовать и как определенный вид уточнения.

2. Модификаторы, способствующие категоричности суждения

Н. В. Гоголь «Ревизор»

Почтмейстер: <Так точно-с>, <Совершенная правда>, <Совершенно справедливо>.

Категоричность суждения достигается за счет соответствующих модификаторов *точно* и *совершенно*. Однако эта категоричность имплицитна и носит характер «отгораживания», способ избежать конфликта.

3. Модификаторы, подчеркивающие незавершенность информации

Чехов А. П. «Предложение»

Чубуков: <...> Она согласна и *тому подобное*. Благословляю вас и *прочее*.

Т.о., модификаторы, выступающие в качестве лингвистических операторов, могут играть роль – выражаясь языком химии – естественных языковых катализаторов (усилителей) или ингибиторов (ослабителей). Их основные свойства:

1) быть использованными коммуникантами в ходе обсуждаемых ими научных данных для того, чтобы способствовать снятию ответственности за достоверность излагаемых коммуникантами фактов (лингвистический модификатор как текстовый индикатор),

2) быть использованными авторами отличных от научных постулатов текстов с целью создания особого стилистического приема, что не обязательно напрямую связано с достоверностью/недостоверностью излагаемых данных.

Литература

1. Кузнецов Б. Неопределенность и дополнительность в квантовой физике и экономической науке // Альманах «Восток», 2004, № 10 (22).

2. *Марюхин А. П.* Истина и смысл в не прямой коммуникации // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук. М.-Калуга, 2008.

3. *Марюхин А. П.* Активные семантические процессы в коммуникации: не прямое говорение // Критика и семиотика. Вып. 12, 2008.

4. *Марюхин А. П.* Явления не прямой коммуникации в современных языках (русском, английском, немецком) // Сибирский филологический журнал, 2008. – № 3.

5. *Марюхин А. П.* «Hedging (Hecke)» – новая семантическая категория? // Сибирский филологический журнал, 2008. – № 4.

6. *Марюхин А. П.* Явление «hedging» в научном дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Филологическое образование». – № 1 (5), 2010.

7. *Fraser B.* Conversational Mitigation // Journal of Pragmatics, 1980. – № 4.

8. *Urbanova L.* Accentuation in authentic English conversation // Sbornik Praci Filozofické Fakulty Brnenske Univerzity. – Brno, 2000.